

MISCELLANEA

УДК 394

DOI: 10.17223/2312461X/19/11

ЧЕЛОВЕК-ОХОТНИК И ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ*

Ольга Юрьевна Артемова

Аннотация. Автор статьи, опираясь преимущественно на собственные полевые материалы, собранные среди австралийских аборигенов этнической общности вик-мункан в 2005–2015 гг., анализирует, как бывшие охотники и собиратели, утратившие в условиях европейской колонизации множество старинных навыков, обычаев и обрядов, тем не менее в значительной мере сохраняют традиционные нормы взаимопомощи и социально-психологические установки, препятствующие развитию имущественной дифференциации в их среде («системы немедленного возврата», «моральная экономика» – Woodburn 1988; Peterson 1993, 2002; Peterson and Taylor 2001, et al.). В этом автор видит залог продолжения социальной жизни аборигенов, залог самого существования их сообществ и основу личностной сохранности составляющих эти сообщества людей. Приводятся разнообразные, порой весьма причудливые примеры того, как люди, приверженные древней нормативной системе, обращаются сегодня с деньгами и предметами современной городской культуры. В заключительных разделах статьи рассмотрены негативные тенденции культурной динамики вик-мункан в последние десятилетия и ставится под сомнение возможность взаимного сближения и конструктивного преобразования глубоко различных культурных традиций и ценностных ориентаций, столкнувшихся между собой на земле вик.

Ключевые слова: охотники и собиратели, аборигены Австралии, вик-мункан, моральная экономика, личность, сообщество, индивид, семья, группа, культурные традиции, этос, городская постиндустриальная культура

Власть любимых книг

Иногда возникает ощущение, что особенно полюбившиеся нам книги приобретают некую таинственную власть над нашей судьбой. Еще в студенческие годы я нашла в Библиотеке им. В.И. Ленина книгу австралийской исследовательницы Урсулы Макконнел «Мифы мункан» (McConnel 1957) и была очарована ею. Перевела на русский язык, способствовала ее изданию (Макконнел 1981). Интенсивно использовала в

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 15-01-0045 «Личность в этносоциальном контексте: кросс-культурное исследование», руководитель д.и.н. Н.Л. Жуковская.

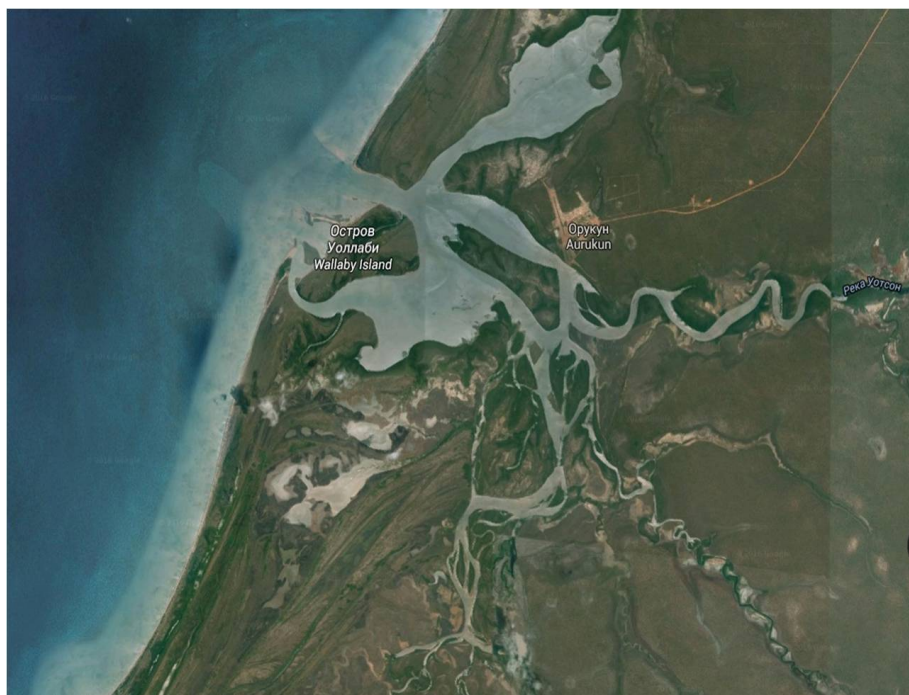
своих научных работах материалы этой книги и других публикаций Макконнел. Через несколько лет я оказалась под сильным впечатлением мемуаров Энн Уэллс «Десять лет на Крокодиловых островах» (Wells 1963). В 2004 г., после 30 лет изучения этнологии аборигенов Австралии исключительно по литературным источникам, я получила возможность поехать в Австралию и там узнала, что попасть в поселения аборигенов можно только по специальному разрешению от местных органов самоуправления, а добиться такого разрешения чрезвычайно трудно. Но мне повезло. Один из коллег познакомил меня с антропологом Дэвидом Мартином, который много лет вел полевые исследования в тех же местах, где когда-то работала Макконнел, на п-ове Кейп-Йорк, в селении Аурукун и его окрестностях. Д. Мартин в течение долгих восьми месяцев упорно помогал мне получить разрешение поехать в Аурукун для полевой работы. Осенью 2005 г. такое разрешение пришло, и я провела в Аурукуне около двух месяцев. Потом я приезжала туда на разные сроки в 2007, 2008, 2009 и 2015 гг.

Карта 1. Звездочками обозначены поселки аборигенов, упомянутые в тексте статьи

В одной из своих поездок в Австралию я совершенно случайно встретила в гостях у приятельницы даму, близкий родственник которой

работал учителем на самом большом из Крокодиловых островов – Милингимби. По просьбе этой новой знакомой ее родственник пригласил меня в гости, и в 2010 г. я оказалась на Милингимби, причем, будучи гостьей частного лица, я не нуждалась в особом разрешении на въезд. Получить такое разрешение в Северной Австралии еще сложнее, чем в Северо-Восточной. Трудно передать восторг и волнение, с которыми я осматривала остатки разрушенной англиканской церкви, где в 1950–1960-е гг. служил муж А. Уэллс, преп. Уэллс. А где-то рядом прошли и 10 лет жизни автора впечатлившей меня книги.

Карта 2. Окрестности Аурукуна. Фрагмент карты Google

Помимо Аурукуна и Милингимби, мне удалось посетить еще несколько поселений аборигенов – Пормпурау, Манигриду, Напаранум, Яррабу и ряд других (карты 1–3). Но больше всего времени я провела в Аурукуне. В 2008 г. я приехала в этот поселок уже не одна, а с помощником – молодым специалистом А.А. Закурдаевым, в 2009 и 2015 гг. – с коллегами В.Л. Кляусом и Ю.А. Артемовой. С 2008 г. мы стали арендовать внедорожники, незаменимые в полевой работе в Австралии.

Карта 3. Аурукун. Фрагмент карты Google

Аурукун

Селение Аурукун, насчитывающее сегодня около 1 150 коренных австралийцев, преимущественно из этнокультурной общности вик-мункан, и около 60 пришлых (Australian Bureau of Statistics, 2016), преимущественно англо-австралийцев (служащие администрации и полиции, школьные учителя и др.), расположено у слияния трех больших рек – Арчер, Уард и Уотсон – недалеко от побережья залива Карпентария, во влажных и жарких тропиках. Это примерно 13° южной широты.

Поселок был основан как пресвитерианская миссия в 1904 г. До 1950-х гг. часть вик-мункан и многие люди из родственных этнокультурных групп продолжали жить в лесу, оставались охотниками и собирателями и лишь время от времени приходили в Аурукун. В настоящее время все аборигены Аурукуна живут оседло в стандартных домах, конструкция которых типична для австралийских тропиков и которые построены по особым правительственным программам. Почти все вик-мункан учились в начальной школе, умеют говорить и писать по-английски, но сохраняют свой родной язык в качестве главного.

Формально поселок находится под управлением выборного Совета его коренных жителей, во главе совета – «Старший» (Mayor) и двое за-

местителей. На деле же решающим влиянием обладают англо-австралийцы, выполняющие бюрократическую работу при Совете. Главное лицо среди них – генеральный исполнительный сотрудник (General Executive Officer, GEO). Именно с ним приходится взаимодействовать при возникновении любых проблем.

Основной источник средств жизнеобеспечения для большинства коренных жителей – пособия по безработице, а также различные иные социальные выплаты из государственных фондов. Характерны также нерегулярные заработки: мужчины работают на горнодобывающих предприятиях, на строительстве дорог и зданий, женщины – в качестве продавцов в магазинах, уборщиц в гостевых домах, школе, детском саду. Есть и другие оплачиваемые занятия, но их явно не хватает для всех, да и в большинстве своем аборигены не проявляют заинтересованности в постоянных заработках и не стремятся работать так, как работают англо-австралийцы – в регулярном режиме с полной занятостью.

Охота и в особенности рыболовство все еще остаются для аурукунцев привлекательными занятиями. Люди, в первую очередь среднего и старшего возраста, используют любую возможность отправиться на рыбалку. Однако рыбалка вблизи поселка, как правило, не слишком продуктивна, а транспортные средства (автомобили-внедорожники и моторные лодки), позволяющие заниматься рыбной ловлей в удаленных от поселка местах, имеются лишь у немногих, да и у тех постоянно нет денег на бензин. Охота могла бы быть надежным источником пропитания, так как леса в окрестностях Аурукунуа изобилуют не только автохтонной австралийской дичью, но и одичавшим скотом – коровами, быками, лошадьми, свиньями. Но охотиться с копьями аборигены давно перестали, использование же огнестрельного оружия требует особых лицензий, их получить непросто. Кроме того, для охоты тоже нужен транспорт. Собираательство почти утратило свое значение.

Одно из самых популярных занятий – игра в карты на деньги. Здесь и там в поселке под кронами огромных манговых деревьев, высаженных в «миссионерское время» (mission time, beforetime), можно видеть десятки расположившихся на земле игроков. Многие проводят в «карточных кругах» дни напролет.

Аурукун слывет одним из самых неблагополучных поселений коренных австралийцев. Плохое здоровье, хроническое недоедание, нищета, алкоголизм (до 2007 г. в поселке свободно продавался алкоголь, потом был введен сухой закон, теперь спиртное доставляется подпольно) и наркомания, подростковая преступность, семейное насилие, многолюдные уличные потасовки, угоны автомобилей и кражи со взломом, изнасилования малолетних, нападения на белых учителей или работников магазинов – лишь часть из того, что постоянно обсуждается в различных публикациях СМИ, посвященных этому поселку. «Это гетто»,

«это тюрьма, окруженная лесом и реками», «это ад», «это кошмар», – вот что пишут и говорят об Аурукуне белые австралийцы. Нам – моим коллегам и мне, – однако, ни разу не пришлось почувствовать себя там в опасности или даже просто столкнуться с враждебностью со стороны кого-либо из аборигенов.

Люди племенной культуры

Когда я впервые появилась в Аурукуне осенью 2005 г., местные жители меня игнорировали. Лишь дети на улицах нахально кривлялись при виде меня, задавали мне издевательские вопросы и громко хохотали над моим английским выговором. Дни шли за днями, никакой полевой работы не получалось. Я уже была близка к отчаянию, когда в один прекрасный день в поселок приехал известный австралийский археолог – теперь уже, к сожалению, покойный – Роджер Криб. Он, будучи давно включенным в широкую родственную сеть аборигенов Кейп Йорка, представил меня некоторым из жителей поселка как свою сестру. Эти люди с готовностью признали во мне родственницу, а вслед за ними – и другие. Ведь все аборигены не только в этом поселке, но и в остальных, раскиданных по полуострову на огромных пространствах, считаются родственниками друг другу. У меня появилось множество «сестер» и «братьев», «дочерей» и «сыновей», «внуков» и «внучек». С некоторыми из них довольно быстро сложились теплые, сердечные отношения, иные же – по крайней мере – стали доброжелательно приветствовать меня при встречах на улицах, а безжалостные мальчишки прекратили передразнивать мой английский. Как выяснилось позже, взрослые сказали им: «Ольга – хорошая». И они вняли.

Глядя на этих людей, одетых в джинсы, шорты, майки, платья или юбки, живущих в домах, покупающих продукты и различные вещи в магазинах, пользующихся детскими колясками, велосипедами, компьютерами, кондиционерами, телефонами и т.п., говорящих на английском языке, подчас более правильном, чем мой собственный, я поначалу забыла все или почти все, чему училась долгие годы, читая антропологическую литературу. Лишь постепенно я убеждалась в безусловной правоте утверждения Роджера Криба – «это люди традиционной племенной организации (absolutely tribal people)», – с которым он ввел меня в жизнь аурукунцев.

Как я могла забыть о родстве, о том, что без родства для этих людей нет человеческих отношений? Как могла с разочарованием думать: «И это потомки охотников и собирательниц, для кого некогда 30 миль в день были не расстоянием? А теперь они готовы часами ждать попутной машины, чтобы проехать полтора километра!» Но ведь в этом ожидании заключено куда больше от этоса¹ охотника, чем в многокилометровой ходьбе! Вот

она, минимизация усилий! Именно о ней так много писали антропологи (например, Peterson 1993; Svizzero and Tisdell 2015).

А не эта ли философия охотника, философия минимизации усилий и риска побуждает не охотиться, когда доступны более легкие и менее опасные способы добывания жизненно необходимого? Похоже на парадокс и похоже на правду.

Следуя этой философии охотников – при мизерных денежных поступлениях – люди сплошь и рядом оказываются куда хуже обеспеченными едой и иными нужными им вещами, чем это было бы, если бы они продолжали охотиться, собирать и рыбачить. Но те же навыки и поведенческие установки охотников помогают стойко терпеть лишения и довольствоваться минимумом. В своих богатых дичью и рыбой краях они могли бы «жить с земли» в обстоятельствах «первоначального изобилия»², а вместо этого «ловят» деньги или «охотятся на деньги» (fishing for money или hunting for money) в «карточных кругах». При этом было бы легковесно и неантропологично видеть в карточных играх аборигенов просто азартное и захватывающее развлечение. Нет, они смотрят на игру как на дело, которое приходится делать среди многих прочих дел, направленных на добычу денег «здесь и сейчас». Вспоминаю слова одного из своих «братьев», ныне уже, к великому сожалению, покойного: «Завтра мы с тобой не увидимся. Завтра будут выплаты пособий, надо идти играть». И последовало нечто вроде печального вздоха, мол «что поделаешь!».

Люди «ставят на кон» небольшие суммы, но выигрыши порой доходят до десятков тысяч долларов. Удачливые игроки покупают (в местном магазине или заказывают по Интернету) холодильники, стиральные машины, велосипеды, компьютеры, телевизоры, музыкальную аппаратуру. Изредка – даже автомобили и моторные лодки. Но ничто из этих приобретений обычно не удерживается во владении «счастливчиков» надолго. Деньги моментально тратятся, вещи переходят из рук в руки, ломаются и выбрасываются. Валяются во дворах около домов, свозятся на свалки. Около Аурукуна в лесу можно видеть впечатляющие кладбища разбитых автомобилей. А проигравшие свои пособия ходят неделями голодные и «перехватывают» у других по мелочам.

В 2005 г. в магазине ко мне подошла женщина, ставшая впоследствии одной из самых близких мне «сестер». Она сказала, что очень хочет есть, что у нее болит голова от голода, и попросила у меня еды. Я повела ее к себе и угостила хлебом с маслом и чаем. Дала ей таблетку анальгина. За едой она красочно рассказывала, как три дня назад выиграла в карты три тысячи долларов. Она показывала жестами, как много было денег, как их трудно было собрать и унести, она клала их в карманы, пихала за пазуху, везде! Но сегодня не осталось ничего! Куда же делись деньги? Ну, купила велосипеды внукам, ну, себе заказала музы-

кальные диски из Кэрнса, много дисков с любимыми певцами и музыкантами, ну, послала деньги дочерям в Кэрнс. Вот и все.

Постепенно я погружалась в захватывающий процесс «узнавания» характерных, многократно описанных в литературе черт охотников, которые непредсказуемым образом проявляются в том, как эти люди обращаются с предметами современной постиндустриальной культуры. И сколько раз мне при взаимодействии с ними не хватало антропологической мудрости или профессиональной отрешенности, которые помогли бы не удивляться или даже не раздражаться и не обижаться, а эмоционально проникаться духом древней моральной экономики! Мои собственные культурные привычки постоянно пересиливали профессионализм.

В 2005 г. ко мне в гости часто заходила одна из самых уважаемых в поселке женщин. Окружающие, особенно женщины, почитали ее как местную «королеву» и буквально ловили каждое ее слово, стремясь во всем ей угодить и заручиться ее расположением. Очень часто ей, как и большинству остальных обитателей поселка, нечего было поесть на завтрак или на ужин... Однажды она попросила у меня мыло, я дала ей кусок. На следующий день она снова попросила у меня мыло. Я удивилась, но дала ей еще кусок. А чему было удивляться? Она воспользовалась этим мылом, когда оно ей было нужно. А потом отдала кому-то еще, и мое мыло пошло по рукам.

Мыло – пустяк. Но часто у меня просили более дорогостоящие вещи. Одна из таких вещей, в которых аборигены постоянно остро нуждаются, – это электрическая карточка. Дома в Аурукуне снабжаются электричеством, только если в особый счетчик вставлена карточка. Их продают в местном магазине по 20 долларов за штуку. Карточки хватает ненадолго. А без карточек дома с семи часов вечера погружаются в беспросветную тьму и почти невыносимую в тропиках духоту. Не работают фены и кондиционеры. Нельзя ни сварить еду на электроплите, ни сохранить ее в холодильнике. Не говоря уж о том, чтобы включить разноцветные фонарики вокруг дома. А при их свете так весело сидеть у костра во дворе!

Как только я в очередной раз появлялась в поселке, на меня сыпались просьбы купить карточку. Выполнять их все невыносимо, но близким «сестрам» я порой покупала эти карточки, и когда на следующий день та же «сестра», которая получила от меня карточку, снова шепотом просила купить еще одну, у меня вырывалось возмущенное восклицание: «Как? Я же только вчера тебе ее купила!» А возмущаться было нечем. Она не могла не отдать свою карточку семье племянника. Когда просят родственники, нельзя не дать. И вот ее собственный дом во тьме, а вокруг дома племянника сияют разноцветные фонарики и раздается веселый детский смех. Иначе было нельзя.

Все подарки, которые я привозила моим «сестрам» из Кэрнса или даже из Москвы, равно как и все вещи, которые я отдавала или покупала

ла им по их просьбам в Аурукуне, – одеяло, юбки или футболки, музыкальные диски или диски с моими видеозаписями, специально для них изготовленные, и многое иное – все это быстро исчезало навсегда в ходе непрекращающейся циркуляции в кругу родственников (см. фото 1).

Фото 1. Автор в очередной раз дарит своей «племенной» сестре Гариетт Путчеманка диск с видеозаписями церемоний, происходивших в Аурукуне в 2005 г.

Фото В.Л. Кляуса, 2015

Вспоминаю разнообразные рассказы Р. Криба. Вот, например, такой. Аборигены получают свои пособия безналично – на банковские карточки. Человек может в качестве demand sharing³ дать свою карточку одному родственнику, а пин-код «дать», т.е. сообщить, другому. Те двое сговариваются и снимают все деньги. Это не смешной анекдот это не глупость пострадавшего. Это повседневная жизнь. Значит, обстоятельства были таковы, что он не мог отказать.

В 2010 г. на о-ве Милингиби я наблюдала следующее. Предполагалось устроить праздник в честь ухода на пенсию пожилой медсестры. Новая медсестра, англо-австралийка, только что приехавшая в поселок, наняла за сто долларов аборигена, чтобы он наловил рыбы для общего угощения. Она оправилась на рыбалку вместе с этим человеком. Ловили в море с моторной лодки. Поймали 40 крупных рыб. Однако как только полная рыбы лодка причалила к берегу, набежала многочисленная родня ловца и расхватала всю рыбу. Медсестре дали одну. Она была в фрустрации, возмущалась и плакала. А между тем, тот абориген не

мог поступить иначе, когда его окружили голодные сородичи. То, что он получил перед этим свои сто долларов, никого не волновало. И о том, что послезавтра нечего будет подать в качестве угощения, никто, кроме обиженной медсестры, не горевал.

В литературе о современных аборигенах многократно описаны случаи, когда люди, оказавшись, как в данном случае, в тисках противоречивых обязательств, предпочитают отвергать выгодную работу, или чувствовать себя неловко перед белыми нанимателями, или даже рисковать оказаться в тюрьме за нарушение «законов белого человека», но не ссориться с родственниками (см. например, Martin 2015; 2016).

Не раз мне также доводилось убеждаться и в том, что – как справедливо пишут этнографы – получающий не становится должником. Вот я отправляюсь на рыбалку с одной из моих «сестер» и двумя ее родственниками, мужем и женой. У них есть моторная лодка либо они ее у кого-то одолжили. Точно сказать не могу. Я плачу за топливо и везу с собой все нужное для пикника: рис, чай, сахар, котелок, чайник, спички. У моих товарищей ничего этого в домах нет. Это нормально. Они наловили много рыбы, я же разводила костер, варила рис и готовила чай. Они почистили и пожарили рыбу, сели есть. Мне никто рыбы не предлагает, но удивляются, что я ничего не поймала. Не умеешь рыбу ловить? Странно. Мне как-то даже обидно. А напрасно. Ведь надо просто попросить. В конце концов я на это решаюсь и получаю хорошую порцию.

Конечно, ко мне особое отношение. Как человек городской культуры я никогда не бываю «без всего», не извожу полностью ни запасы еды, ни, тем более, деньги. Аборигены это знают. Но так же точно они сплошь и рядом ведут себя и по отношению друг к другу.

Вот мы нанимаем лодку, чтобы посетить удаленное от поселка место. Нас сопровождают двое молодых парней. Мы высаживаемся на берег, рядом течет ручей, в нем несметное количество двустворчатых раковин, моллюски которых считаются прекрасным кушаньем. В нашей лодке полно места, можно набрать раковин на множество едоков. Однако один из парней берет штук десять – не больше, ровно столько, сколько помещается в завязанную узлом на животе футболку. «Мне этого хватит», – говорит он. Другой молодой мужчина раковинами вовсе не интересуется. Первый же бросает вскользь, что сообщает об этом изобилии своей тетке: пусть едет сюда и собирает сама. А ведь, несомненно, он-то не раз получал еду от этой тетки. Потом мы плывем назад в Аурукун, и второй мужчина ловит рыбу. Поймал одну и не пытается поймать больше. Мы говорим: «Лови еще, ведь в лодке много места, а в реке много рыбы». – «Мне на ужин хватит одной», – лаконично отвечает он. Каждый сам за себя. Не озабочен тем, чтобы накормить других. Но знает, что если у него ничего не будет, кто-нибудь накормит его.

Вот я встречаю на улице одну из своих «родственников», она говорит мне, что сейчас время ланча, а ей нечего поесть. Я даю ей пять долларов. Через час она меня находит и рассказывает, что она себе купила в таверне на три доллара половину жареного цыпленка и колу, съела и выпила это на ходу. А два доллара она возвращает мне.

Как-то одна белая австралийка показала мне штапельные юбки, которые она шила для черных женщин. Они были ярких расцветок, в сборку и с одним накладным карманом. Я спросила: «Почему карман всего один?» Моя собеседница ответила: «Пачка сигарет и памперс для ребенка, а больше ничего не нужно, она счастлива!»

Поучительно видеть аборигена или аборигенку, отправляющихся на самолете или автомобиле в гости к родственникам в Кэрнс или в Випу (шахтерский городок в 200 км от Аурукуна). На нем джинсы и футболка, на ней юбка и легкая кофта. Быть может, в кармане пачка сигарет и немного денег. Никаких сумок или котомок. Все необходимое он (она) найдет у родни, если, конечно, у них это будет. В противном случае все они перетерпят, пока чего-нибудь не добудут или не подоспеет пособие. А подарки везти не принято. Вспоминается высказывание М. Салинса: «Мы склонны считать охотников и собирателей бедными, потому что у них ничего нет; возможно, правильнее было бы считать их свободными, потому что у них ничего нет» (1999: 30).

Никто, за исключением родителей малолетних детей, дедов и, в особенности, бабок малолетних внуков, не озабочен тем, чтобы добыть больше еды, чем это нужно ему или ей здесь и сейчас – будь то из реки, из леса или из магазина. Малых детей кормят взрослые, но как только он или она становится подростком, ему предоставляется самому заботиться о своем пропитании. Предполагается, что у кого-то из многочисленной родни он чем-то поживится, сам что-то поймает в реке или в лесу, перехватит денег у товарища и что-то купит в магазине. Однако эта стратегия, сформировавшаяся в условиях «первоначального изобилия», сплошь и рядом оказывается пагубной в современном поселке. Когда подросток слоняется по стоянке, расположенной в лесу, все семейные костры у него на виду. Да и собственная семья под боком. Там, где едят, – там и он в один момент оказался. Кроме того, он умеет ловить рыбу, птиц, ящериц. Другое дело, когда он днями напролет бродит среди домов, разбросанных на нескольких квадратных километрах! Не так-то просто узнать, где есть еда.

Настоящий охотник – бедный охотник⁴. Он должен быть мобильным и потому ничем не отягощенным. Сегодняшние аурукунцы ведут (вроде бы) оседлый образ жизни, но сохраняют древние привычки кочевников. За все время пребывания в Аурукуне мне лишь дважды или трижды довелось увидеть внутренность дома, в котором обитают аборигены. Первый раз это было в 2009 г., когда нам – Ю.А. Артемовой,

В.Л. Кляусу и мне – одна семья сдала на две недели свой дом, чтобы получить небольшой доход. Два или три других – когда я украдкой заглядывала в открытые двери домов. Все остальные сведения о внутреннем устройстве жилищ аборигенов я получила из описаний третьих лиц. Складывается впечатление, что типичный дом аборигенов почти пуст. В нем на голом полу лежит несколько выдавших виды матрацев или матов, иногда имеется нечто вроде двухуровневых топчанов или нар, на которые брошены те же матрацы. Кроме этого в доме могут быть телевизор и музыкальная аппаратура, несколько пластмассовых стульев или кресел. Это все или почти все. Ни запасов еды, ни кухонной утвари. На стенах часто наклеены красочные картинки из журналов или повешены яркие коврики. Например, в снятом нами доме нашим взорам предстал висящий на стене «Элвис на бархате» – на фоне синего плюша изображение американского кумира в полный рост с микрофоном в руках, в белом костюме с «гавайским» ожерельем из крупных красных цветов на шее (фото 2).

Фото 2. Фрагмент комнаты в одном из аурукунских домов. Фото В.Л. Кляуса, 2009

Вся жизнь проходит во дворах или на улицах. В домах только спят или смотрят телевизор. Не случайно аборигены обычно говорят «Я сплю в таком-то доме», а не «Я живу в таком-то доме». Дома, в которых люди спят, постоянно меняются, иными словами, люди часто

перемещаются из дома в дом в зависимости от сложного сочетания обстоятельств, в которых мне не под силу было разобраться. Сплошь и рядом я находила нужных людей то в одном доме, то в другом (фото 3).

Фото 3. Типичный дом в Аурукуне. Фото Ю.А. Артемвой, 2009

Затрудняюсь сказать, почему аборигены не приглашали меня к себе в дома и даже с неудовольствием воспринимали мое приближение к калиткам их дворов. Наверное, отчасти они стеснялись «неустройства» своих жилищ, отчасти же сохраняли приверженность традиционному этикету охотников. Пришелец из «другой земли» ни в коем случае не должен был приближаться к стоянке «хозяев земли». Он должен был остановиться на почтительном расстоянии (но так, чтобы обитатели стоянки его хорошо видели) и ждать, когда к нему подойдут, заговорят, прояснят его намерения⁵. Так я и делала, останавливалась неподалеку от забора-рабицы, окружавшего нужный мне дом, и ждала, пока кто-то из обитателей этого дома, находившихся во дворе, не заметит меня и не позовет нужного мне человека или не скажет, где его искать. В последнем случае тот же «ритуал» повторялся уже у другого дома. Когда искомый человек неспешно появлялся, начинался тихий разговор, причем полагалось не глядеть прямо в лицо, но отводить глаза в сторону. В ходе беседы намечалось какое-нибудь совместное мероприятие: рыбалка, чаепитие в моем временном жилище, совместный поход в магазин или

на кладбище. Приступать к выполнению намеченного дела надо было безотлагательно, «здесь и сейчас». Не раз я имела случай убедиться, как неразумно назначать время встречи (через час, в пять вечера, завтра в девять утра и т.п.): он или она забывали о запланированном и в условленное время оказывались занятыми чем-то совершенно иным.

Сборы на рыбалку нередко затягивались на час и более. Если у меня не было еды и котелка, чтобы взять с собой «для пикника», то можно было обойтись так: воду для чая вскипятить в пустой консервной банке, которых повсюду валяется множество, а рыбу поймать в реке и поджарить в золе от костра или на обломке термитника, положенном в костер. Но нельзя идти без снастей, а они сплошь и рядом отсутствовали: «Ох, мою сеть, мою леску, мои крючки взяла такая-то или такой-то!» Мы шли (или ехали, если была машина) туда, где она или он должны были находиться. Там ее или его не оказывалось, шли куда-то еще, порой опять безуспешно. Однако, не найдя нужного человека, в конце концов брали снасти у кого-то другого. Не припомню случая, чтобы рано или поздно все не устраивалось так или иначе (фото 4, 5).

Люди вик утратили множество старинных навыков и обычаев, перестали изготавливать традиционные орудия и утварь, забросили важнейшие обряды, но в полной мере сохранили древние нормы, обязывающие давать то, что просят, и позволяющие рассчитывать на то, что всегда можно попросить, что нужно (ср. Bird-David 1992).

Вспоминаю, как один из самых обаятельных, добрых, образованных и в полном смысле этого слова *интеллигентных* аборигенов (он, увы, тоже ушел из жизни) говорил мне в 2007 г. тихим и грустным голосом: «Белые люди хотят, чтобы мы стали такими, как они, но мы не можем, просто не можем и все!»

По моему глубокому убеждению, аборигенам не удастся, вопреки усилиям многочисленных государственных и общественных структур, вырваться из того, что в Австралии считается бедностью или даже нищетой, не только из-за «постоянного прессинга» demand sharing (Peterson 2013), но и из-за отсутствия сколько-нибудь значительной личностной мотивации, необходимой для достижения того, что понимается в мире белых людей под материальным благосостоянием. Более того, складывается впечатление, что «объективная нехватка ресурсов (денег, топлива, оснащения и т. п. и т.д.)» (Martin, Martin 2016: 213), о которых так часто говорят и пишут белые австралийцы, самими аборигенами не воспринимается как бедность. Я ни разу не слышала, чтобы мои собеседники в Аурукуне, Пормпурау или Милингимби называли себя бедными или даже просто жаловались на материальное неблагополучие.

Вспоминается рассказ Н. Петерсона (во время одного из академических собраний) о пожилom аборигене варлпири из поселка Юндуму (Центральная Австралия). Ничего не имея, сидя на расстеленном на

земле рваном одеяле, он говорил о своем желании «подкопить денег», чтобы послать их детям Афганистана, потому что на днях он смотрел телевизионную передачу о бедственном положении в этой стране и был особенно впечатлен тем фактом, что детям там не хватает одеял.

Фото 4. Филлис Янкапорта, «племенная» племянница автора, закидывает сеть, чтобы наловить креветок. Фото А.А. Закурдаева, 2008

Фото 5. На отдыхе после рыбалки. Фото А.А. Закурдаева, 2008

В 2008 г. мы с А.А. Закурдаевым попали в конфликтную ситуацию. Тогдашний GEO Аурукунского Совета потребовал от нас непомерной платы за жилье, такой суммы у нас не было, а не заплатив, мы не только оказались бы «на улице» за неделю или более до истечения срока нашей экспедиции, но и дату нашего отъезда из Аурукунуа поставили бы под сомнение. А были уже куплены билеты на самолет в Москву. Мы никому не говорили о наших трудностях, однако люди в поселке как-то сами об этом быстро прослышали. И вот к нам пришла моя близкая «племянница» и объявила, что она и вся родня не бросят нас в беде. Они соберут нужные нам деньги. «Я дам 200 долларов», – сказала она. – «Н. даст 100, А. даст 150, другие тоже дадут». «Откуда же деньги?» – спросила я. – «Ведь вчера ни у тебя, ни у Н. не было даже пяти долларов на еду». «Это наше дело», – был ответ. К счастью, все обошлось, и нам не потребовалось платить больше, чем было изначально условлено. Возможно, дело уладили наши аурукунские друзья, употребив свое влияние на родственников, входивших в Совет.

В 2009 г. мы с В.Л. Кляусом и одним из моих аурукунских «братьев» потерпели «бедствие на реке». Мы арендовали у семьи аборигенов за весьма скромную сумму моторную лодку для экспедиции к удаленному месту, которое нас очень привлекало. Неправильно рассчитав количество бензина, мы не только не смогли достичь этого места, но и едва сумели высадиться на берег и добраться обратно в поселок (шли по лесу пешком в темноте часа три), да к тому же чуть не погубили лодку. Она застряла в прибрежных мангровых зарослях и наполовину затонула. Вытащить ее своими силами мы не смогли. Пришлось во всем признаться хозяевам лодки. Они, мать и сын, без единого слова упрека отправились вместе с нами вытаскивать лодку из западни. Кроме того, нашлось еще несколько добровольных помощников. Когда лодку подняли на воду, выяснилось, что испорчен мотор. У нас явно не хватило бы денег на новый мотор, но никто из аборигенов даже не заикнулся о возмещении ущерба. Мы попросили прощения, нас простили.

Векторы перемен

В эпоху первоначальной колонизации на долю вик-мункан и их соседей в Западном Кейп Йорке выпало куда меньше жестоких испытаний, чем на долю аборигенов других частей Австралии. «Правивший» Аурукунуом более тридцати лет (1924–1957) миссионер Уильям Маккензи, «человек с Библией в одной руке и с винтовкой в другой», был жестоким деспотом, но он по-своему оберегал аборигенов от пагубных влияний внешнего мира, заботился о сохранности части их обрядов, скажем, обрядов инициации и похоронных обрядов, поощрял продолжение охотничье-собирательской деятельности. Он устроил школу и

дормиторий для детей в поселке, что избавило вик-мункан и родственные им группы от ужасов «украденных поколений» – насильственного изъятия детей из семей и помещения их в расположенные далеко от родных мест интернаты. Молодых мужчин отправляли на временные принудительные работы (гуртовщиками на скотоводческие фермы, ловцами жемчуга и матросами на промысловые суда и др.), но все же они имели возможность регулярно поддерживать связи со своими семьями. Маккензи заботился о крепости семей и моногамных уз, освященных церковным браком.

Мне довелось ознакомиться с записями Маккензи о смертях и рождениях в Аурукуне и его окрестностях. В них сравнительно мало указаний на детскую смертность, среди причин смертей взрослых сравнительно редки упоминания о занесенных белыми инфекционных болезнях, таких как проказа или сифилис, хотя часто упоминаются инфлюэнца, малярия и простудные заболевания. Не слишком много смертей от ранений в драках и несчастных случаев вроде нападений крокодилов, укусов змей или падений с дерева. Создается впечатление, что немало мужчин и женщин доживали до глубокой старости и умирали от «синильной слабости». Не припомню сведений о самоубийствах.

С концом эпохи миссионерского тоталитаризма (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) и обретением аборигенами все больших свобод, получением ими (1967) равных с остальными австралийцами гражданских прав, а также государственной поддержки в виде различных денежных пособий Аурукун стал парадоксальным образом и весьма быстро впадать в то, что белые австралийцы называют хроническими дисфункцией и расстройством социально-экономической жизни. Распалась традиционная хозяйственная деятельность, нарушилась привычная система питания и распространились диабет, сердечно-сосудистые, онкологические заболевания. Ушли инициации, ушло традиционное лидерство, люди перестали заключать браки, вместо мужей и жен составлялись пары так называемых *дефекто* (от лат. *de facto*), многие из которых весьма недолговечны (хотя имелись и имеются очень прочные союзы), в практику вошли ранние и неупорядоченные сексуальные отношения, поведшие к распространению венерических болезней. Список бед можно было бы продолжать еще долго.

Был, однако, в жизни Аурукуна относительно светлый период – 1970-е – начало 1980-х гг., когда вся Австралия оказалась охваченной всевозможными общественными движениями, боровшимися за улучшение условий жизни коренных австралийцев, получение ими юридических прав на традиционные земли, сохранность их культурного наследия. В развитии этих движений одну из ведущих ролей сыграли выдающиеся австралийские антропологи. Они, в частности, были вдохновителями так называемого движения децентрализации, в ходе кото-

рого многие семьи аборигенов покидали стационарные поселки и возвращались в леса или в «буш», на традиционные земли, где создавали «внешние поселения» (outstations) и жили преимущественно охотой, рыбной ловлей и собирательством. Вик-мункан и родственные им группы основали немало таких внешних поселений на обширных пространствах Западного Кейп Йорка. Решающее значение для успешности этих начинаний имело деятельное участие антропологов, в числе которых надо прежде всего назвать Дэвида Мартина и Питера Саттона. Они были адаптированы в семьи аборигенов, годами делили с ними жизнь охотников и рыболовов, организовывали регулярное сообщение – воздушное и автомобильное – с Аурукун и Кэрнсом, чтобы обеспечить приток некоторых продуктов (аборигены уже не могли обходиться без сахара, соли, круп, чая, табака) и медикаментов. Вместе с аборигенами антропологи строили дома и взлетные полосы, налаживали телефонную связь, обеспечивали посещения учителей и врачей, растили своих детей совместно с детьми аборигенов. Однако эта тяжелая миссия постепенно истощила силы даже таких крепких и самоотверженных мужчин, как Мартин и Саттон, семейные и профессиональные нужды потребовали возвращения в привычные условия. Вскоре после этого жизнь во внешних поселениях угасла. Люди вернулись в Аурукун. Отчасти этому способствовали и две трагические самолетные аварии, унесшие жизни некоторых обитателей внешних поселений: в традиционных условиях аборигены никогда не оставались там, где прежде жили умершие. Если кто-то умирал, стоянку покидали навсегда. Так произошло и с внешними поселениями, в которых жили погибшие при авиакатастрофах люди.

С тех пор, судя по свидетельствам Д. Мартина, Б. Сайерс, П. Саттона, Дж. Фон Штюрмера и ряда других антропологов, а также по некоторым собственным наблюдениям, сделанным в промежутке между 2005 и 2015 гг., социальный климат в Аурукуне неуклонно ухудшался, несмотря все увеличивающийся объем государственной помощи, постоянное усовершенствование системы медицинского обслуживания, строительство дорог, связывающих Аурукун с Кэрнсом и Випой, значительное пополнение жилищного фонда, открытие новых магазинов, улучшение снабжения и многие другие, казалось бы, положительные перемены в государственном и частнопредпринимательском обустройстве поселка. К этому следует прибавить непрекращающуюся деятельность антропологов, разрабатывающих различные прогрессивные программы, а также усилия общественных организаций самих аборигенов, выдвинувших из своей среды немало энергичных и талантливых активистов. Желаемых результатов не наблюдается.

Вот что говорил П. Саттон в 2012 г. (интервью австралийской журналистке К. Форд): «За время моего тесного взаимодействия с людьми

вик – до 2001 г. – из населения численностью менее 1 000 человек восемь человек, которых я знал, ушли из жизни, наложив на себя руки, из них две женщины и шестеро мужчин. Пятеро из них были молоды. В том же сообществе в тот же период 13 человек, известных мне, стали жертвами убийств, восемь из них женщины, пятеро – мужчины. Еще 12 совершили убийства, девять из них мужчины, трое – женщины... Почти во всех случаях преступники и жертвы были родственниками, чьи семьи связаны друг с другом поколениями. Они были и моими родственниками в небиологическом “племенном” значении...» (Ford 2013).

По правилам, существующим в Австралии для антропологов, те, кто едут в поле, должны сделать что-то полезное для сообщества, в котором они будут работать. По совету Д. Мартина мы составили подробный план аурукунского кладбища⁶, задокументировали, сфотографировали и описали все имеющиеся там могилы. Ни в самом поселке, ни где-либо еще, полагает Мартин, никакой документации смертей не велось со времени прекращения миссионерской деятельности. Это была тяжелая работа и в физическом (сорокоградусная жара, пляшущее солнце, назойливые комары) и в моральном отношениях. Мы начали ее в 2008 г. совместно с А.А. Закурдаевым, а закончили в 2015 совместно с Ю.А. Артемовой и В.Л. Кляусом. В 2016 г. мы передали обработанные материалы в Аурукунский Совет.

Наша документация содержит много сведений трагического характера. Из них самые поразительные, как представляется, связаны с числом смертей, произошедших между 2008 и 2015 гг. На приведенных ниже выборочно фрагментах составленной Ю.А. Артемовой схемы кладбища могилы, появившиеся после 2008 г., обозначены зеленым цветом. Их примерно около трети. Значительная часть ушедших из жизни в указанный период – люди молодые (рис. 1, 2; фото 6).

Из собранных нами данных ни в коем случае не следует, что население Аурукуна вымирает. В поселке очень высока рождаемость, около двух третей его жителей – несовершеннолетние. Численность населения в Аурукуне, как и в большинстве других поселков коренных австралийцев, неуклонно растет, причем темпы прироста существенно превосходят общеавстралийские. Однако напрашивается вывод о катастрофическом снижении продолжительности жизни. Достоверной статистики по Аурукуну мне добыть не удалось. Скорее всего, ее просто не существует. По непроверенным данным, средняя продолжительность жизни в Аурукуне для мужчин – 59 лет, для женщин – 64, в то время как по Австралии в целом – 80,4 для мужчин и 84,5 для женщин (Australian Bureau of Statistics, 2016).

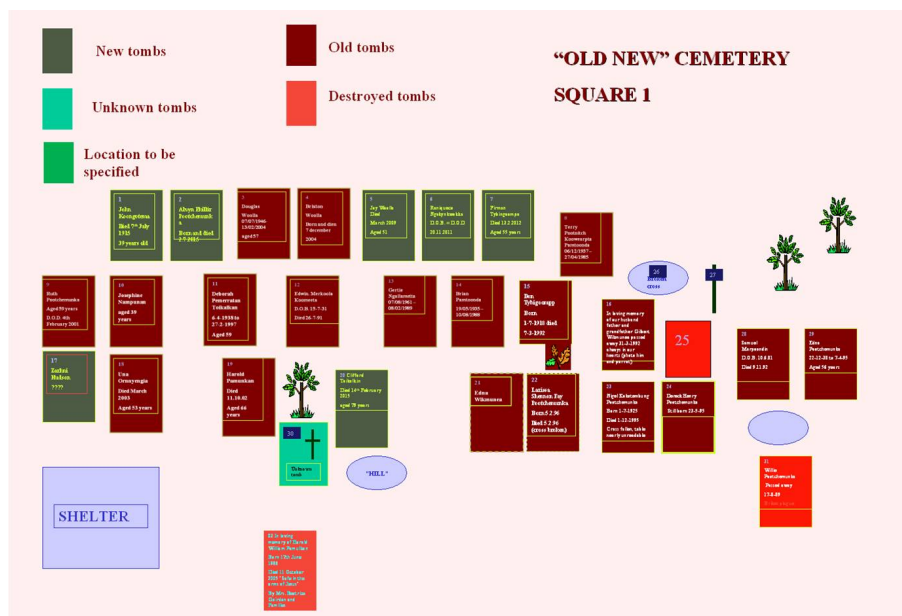

Рис. 1. Фрагмент схемы Аурукунского кладбища, квадрат 1.
Выполнено Ю.А. Артемовой, 2016

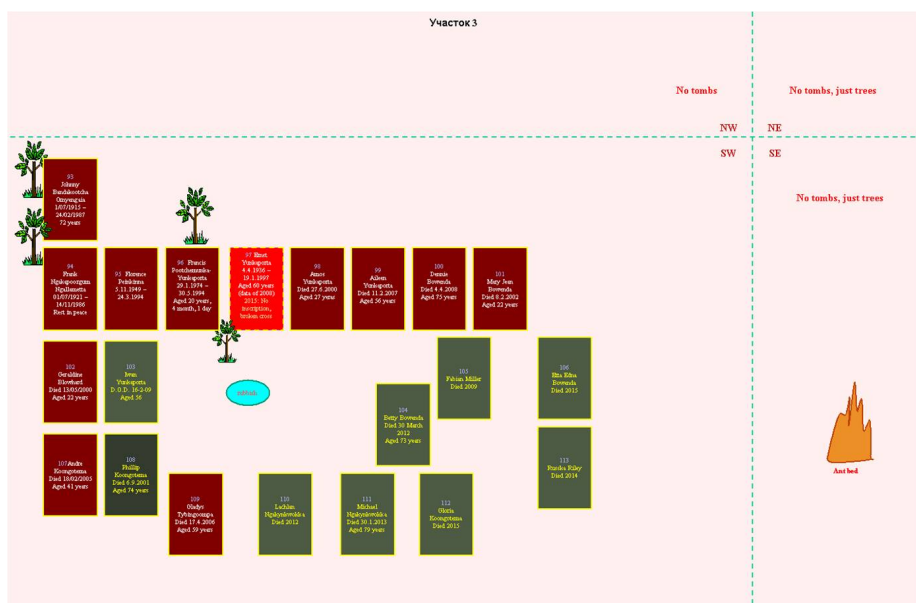

Рис. 2. Фрагмент схемы Аурукунского кладбища, квадрат 3.
Выполнено Ю.А. Артемовой, 2016

Фото 6. Детское захоронение. Фото В.Л. Кляуса, 2015

В 2005 г. на улицах Аурукуна можно было встретить (и в немалом числе) глубоких стариков и старух, в 2015 г. мы видели только одного старого человека. Судя по табличкам на кладбищенских крестах, почти все те, кто дожили до 80 лет или перешли этот рубеж, умерли до 2010 г. За последние десять лет в поселке ушли из жизни большинство мужчин, рожденных, как я, в 1950-е. В 2005 г. у меня было почти столько же «племенных» братьев, сколько и сестер, к 2015 в живых остались только сестры (фото 7–9). Ранняя смерть от болезней – удел тех, кому от 40 до 60 лет.

Молодые люди погибают в драках, автомобильных катастрофах. Самое же страшное явление – суицид, совершаемый преимущественно людьми в возрасте от 15 до 30 лет. А в доколониальных условиях аборигены, по-видимому, никогда не уходили из жизни добровольно. Во всяком случае, такие знатоки культуры аборигенов, как Р. Берндт и

К. Берндт, писали, что «нет никаких свидетельств о самоубийствах», имея в виду традиционную жизнь (1981: 364).

Фото 7. Гариетт Путчеманка и автор у могилы партнера Гариетт, с которым она прожила более 30 лет. Его имя, по традициям вик-мункан, нельзя упоминать. Он умер от сердечного приступа, не достигнув 60 лет.

Фото В.Л. Кляуса, 2015

Фото 8. Перед поминальным обрядом. Фото Ч. Уоркера, 2005

Могут ли благополучно сосуществовать бок о бок столь разные культуры?

О причинах трагических процессов, которые наблюдаются, пусть и не в столь крайних формах, не только в Аурукуне, напряженно думали и думают лучшие умы Австралии. Этому посвящена обширная литература, которую нет возможности проанализировать в статье ограниченного объема (см. например, Sutton 2009). Полного понимания этих причин нет, как нет и согласия по этому вопросу между антропологами.

Несмотря на скромность собственного полевого опыта, решусь высказать некоторые соображения. Создается впечатление, что культура аборигенов и культура англо-австралийцев столь различны (во многих аспектах просто противоположны), что не способны сосуществовать рядом. А меняться, приспосабливаться друг к другу отчасти не могут, а отчасти упорно не хотят ни представители первой, ни представители последней. Побеждает же сильнейший.

Возьмем самое, казалось бы, простое – режим дня. Аборигены жили в тропиках многие тысячелетия и выработали наиболее рациональный распорядок. Вставали с рассветом и неспешно отправлялись на добычу пропитания, возвращались на стоянку, ели, отдыхали и спали часов до четырех-пяти, пока не спадала жара. С этого времени наступал период наибольшей активности: опять походы за едой, потом приготовление и прием пищи, потом обряды или развлечения: песни и танцы у костра, художественные занятия, инсценировки старинных и вновь сочиненных сюжетов, просто общение, разговоры, игры и многое другое. Спать укладывались не раньше двух часов ночи. Это для аборигенов самый привлекательный и здоровый режим до сих пор. Однако приезжий персонал (как правило, не получающий адекватной антропологической подготовки) организует жизнь по своим канонам. Детский сад, школа, почта, медпункт, бюрократические службы Совета, библиотека – все работает с девяти или с десяти утра до трех-пяти часов пополудни. Работают все эти люди в комфортных условиях – при кондиционерах. Вечер служащие стремятся проводить в своих кондиционированных домах, в покое и уюте – перед телевизорами. Они сытно и правильно питаются хорошей едой, которую запасают для себя в огромных количествах во время поездок в Кэрнс и Випу. Некачественную еду в местном магазине они не покупают. Спать ложатся рано. По «викэндам», которые для аборигенов ничем не отличаются от всех остальных дней недели, белые люди неизменно отдыхают.

Такая рассогласованность порождает массу бестолковых и несуразных ситуаций в повседневной жизни поселка, а также глубокое взаимное неудовольствие, причем белые австралийцы, будучи абсолютно убежденными в превосходстве своего стиля жизни, постоянно открыто

и порой грубо порицают черных за леность (дневной сон неработающих или непреодолимую сонливость работающих – в разгар рабочего дня), нерациональное расходование денег, непредусмотрительность, нечистоплотность, пренебрежение ранее данными обещаниями и всевозможными договоренностями и т.д. Любая бюрократия может быть уподоблена врагу, холодному и жестокому⁷, аурукунская бюрократия – одна из худших. У аборигенов многие ее проявления вызывают раздражение, враждебность, чувства униженности, обиды, возмущения, подавленности и стыда.

Одна из самых острых проблем в среде коренных австралийцев, как видно из вышесказанного, – внутрисемейное и межсемейное насилие. Традиционные общества аборигенов Австралии – вик-мункан и их соседей в особенности – характеризовались высокой внутренней конфликтностью и сравнительной частотой межгрупповых вооруженных столкновений (см. например, McKnight 2005). Однако все это было заключено в определенные рамки «культуры насилия»⁸. Мужчины били жен, это считалось нормальным, но убийство жены было редкостью и преступлением, за которое неизбежно мстили ее родственники. Массовые конфликты разрешались посредством особых церемоний примирения, взаимные претензии враждебно настроенных индивидов или групп снимались в ходе специально организованных поединков – диадных или коллективных. Разумеется, всему этому нет и не может быть «легальной ниши» в мире, подчиненном законам белого человека. Но привычка давать выход агрессии никуда не делась, она лишь приняла гипертрофированные и искаженные формы, стала почти бесконтрольной, отчего более всего пострадали женщины.

Очень важно и то, что люди, живущие в лесу, и люди, живущие в стационарном поселке, имеют неодинаковые возможности уклоняться от действий недругов. Один из самых типичных для охотников способов избежать нападения врагов – убежать подальше от агрессора, скрыться. На стоянке в лесу или в саванне, где располагалось несколько семей, все происходило на виду у всех, и обычно находились люди, готовые выступить защитниками жертв насилия, примирителями ссорящихся. В современной же ситуации самые страшные последствия имеют ссоры и драки, вспыхнувшие в четырех стенах.

Примечательно, что у современных аурукунцев, как нам говорили сами аборигены, негласно выделены определенные места в поселке, куда принято приходить, чтобы драться. До введения сухого закона это была открытая со всех сторон дорога, ведущая к таверне, в настоящее время – площадь перед главным магазином. В такой новой традиции можно видеть отголосок старой, в соответствии с которой агрессивные столкновения во многих случаях должны были происходить публично, чтобы окружающие могли оценивать дей-

ствия втянутых в конфликт лиц и вмешиваться в случае необходимости. Теперь же, стоит только подобному ристалищу начаться на площади у магазина, она немедленно оцепляется полицией. Нам дважды приходилось это наблюдать самим. Возможно, действия полиции способствуют тому, чтобы конфликтующие переносили выяснение отношений в закрытые помещения.

Нарушение характерного для сообществ охотников возрастного состава тоже внесло свою лепту в общую дезорганизацию жизни вик-мункан. В доколониальных условиях было мало детей и много взрослых⁹, теперь же стало наоборот, а воспитание и обучение по-прежнему осуществляются почти исключительно в процессе подражания старшим. Назидания, наставления, «одергивание», пресечение нежелательного поведения и, тем более, наказания детей и подростков до сих пор не в ходу у аборигенов. Так называемая пермитативная (от англ. *permit* – разрешать, позволять) система воспитания¹⁰ вполне сохранна.

Детей и юных людей слишком много, чтобы взрослые могли уделять им необходимый объем внимания. Взрослых же и количественно недостаточно, и живут они не настолько продолжительно, чтобы успеть передать новым поколениям те ценности традиционной культуры, которые пока еще сохраняют сами. Но, однако, новые поколения хорошо улавливают пренебрежение, презрение и отчужденность, которые старшие испытывает по отношению к белому человеку и его культурным традициям. Тот же пожилой абориген, с грустью говоривший мне, что черные люди не могут быть такими, как белые, добавил в конце разговора: «А хуже всего то, что наши дети растут совершенно неуправляемыми, просто дикими!»

Скука, тоска, чувство неприкаянности, ощущение безысходности толкают молодых людей, чаще всего женщин, на самоубийства. Юноши же, ищущие испытаний и «подвигов», идут на преступления, получают тюремные сроки и возвращаются в поселок с новым – тюремным – опытом. Нам приходилось слышать, что подростки и юноши в Аурукуне видят в тюремном опыте некий современный аналог традиционным инициациям, и некоторые из них сознательно стремятся совершить правонарушение – не слишком серьезное, но в то же время заслуживающее наказания лишением свободы, – чтобы на какое-то время попасть в пенитенциарное учреждение.

Конечно, как и во всем мире, в мире вик-мункан все несчастливые семьи несчастливы по-своему, но есть и счастливые семьи. Это, как правило, семьи, которым довелось сохранить в живых дедов и в особенности бабок, готовых неустанно заботиться о внуках, отдавать этим заботам все свое время и всю энергию. В среде аурукунских подростков выделяются «домашние» мальчики и девочки, подростки и юноши «из хороших семей». Они прилежно учатся в школе, получают награды

и поощрения, которыми гордятся их близкие, не «хулиганят» и стараются все время держаться поближе к родным.

В последние годы наметилась новая тенденция – отправлять детей учиться или работать в города, подальше от Аурукун. Способность юных людей, выращенных в Аурукуне, адаптироваться к городской жизни Австралии, представляется мне очень сомнительной. Гораздо более вероятно, что они будут страдать в городе, в чуждом окружении, и стремиться вернуться в поселок. Это тоже уже происходит. Но нельзя исключать отдаленную перспективу рассеяния, растворения вик-мункан среди пришлых австралийцев.

В 2015 г. у меня также возникло впечатление, что некоторые семьи, оставаясь в Аурукуне, пытаются вырваться из обстановки бессмысленности и безнадежности иными способами. Так, в отдельных дворах появились дорогие автомобили-внедорожники и большие моторные лодки, которые содержатся в хорошем состоянии. На кладбище можно увидеть отдельные дорогостоящие памятники, чего не было еще несколько лет назад. Само по себе это не говорит о перемене ценностной парадигмы – типичной для коренных австралийцев на типичную для англо-австралийцев (благополучие вместо бедности). Лодки и автомобили нужны, чтобы обеспечить свободу передвижений, мобильность, которая всегда была важнейшей составляющей культуры аборигенов. Это всего лишь адекватное современной жизни оснащение, необходимое для охоты, рыбной ловли, поездок к родственникам, живущим в других местах, посещения традиционных земель предков, духовная связь с которыми, по понятиям вик-мункан, должна поддерживаться из поколения в поколение.

Гранитные надгробия – современный способ проявить глубокое почтение к умершим. Оно всегда было и до сих пор остается одной из главных составляющих мироощущения аборигенов. Заметим, что дорогие памятники на Аурукунском кладбище декорируются исконной тотемической символикой (наряду с христианской – фото 9), а самые ухоженные и красивые могилы – это преимущественно могилы молодых людей, по которым отчаянно, душераздирающе скорбят их родители.

Однако чтобы накопить деньги на машины, лодки и могильные сооружения, нужно находить и уметь сохранять хорошо оплачиваемую работу, а также ограничить свое участие в системе demand sharing. Чтобы содержать автомобили и лодки в рабочем состоянии и приличном облике, нужно научиться отказывать хотя бы части из тех, кто непременно просит одолжить средства передвижения на время или куда-то их свозить. Сужение же круга родственников, в котором циркулируют твои деньги и вещи, или хотя бы частичное дистанцирование от этого круга чреваты потерей прочного места в сети многопоколенных социальных связей, лишением надежной социальной опоры. А у окружаю-

щих такое поведение рождает чувство растерянности, гнева и даже фрустрации.

Фото 9. Одна из новых могил на Аурукунском кладбище. Фото В.Л. Кляуса, 2015

Фото 10. Дети Аурукуна. Фото О.Ю. Артемовой, 2005

Нам с В.Л. Кляусом довелось однажды видеть, в какое неукротимое бешенство впадает абориген, услышавший отказы (несколько подряд) в ответ на просьбу «подбросить» (прицепив к внедорожнику) его лодку из поселка до причала. И отказывающие, и встречающие отказы получают глубокую психологическую травму, и для тех и для других рушится привычный мир (ср. Peterson 2013; Martin 2015). Здесь таится потенциальная угроза главному оплоту цивилизации¹¹ аборигенов – моральной экономике, которая цементирует их сообщества и на которой зиждется внутренняя целостность личности.

Метафора замкнутого круга, а также хорошая русская поговорка «куда ни кинь – всюду клин» не выходили у меня из головы, когда я бродила по Аурукуну.

Заключение

Культура аборигенов Австралии, равно как и культуры некоторых уцелевших до нашего времени охотников и собирателей Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, являет уникальный образец экономического эгалитаризма. В создании таких культур, несомненно, первостепенную роль играли сознательные, целенаправленные и систематические усилия мыслящих и наделенных волей людей. Именно эти усилия сформировали в ходе многотысячелетнего развития особый социально-психологический климат, а также адекватные ему тип этоса и тип личности. Этот этос и соответствующие ему личностные черты оказались чрезвычайно устойчивыми на протяжении сотен веков и продемонстрировали огромную волю к самосохранению даже в трагических условиях первоначальной европейской колонизации и драматических – ввиду стремительности перемен – обстоятельствах современной капиталистической модернизации. Мы видели, как крепко современные аборигены держатся за свои нравственные установки и поведенческие стереотипы, даже если это явно идет им во вред.

Очень печально, что они оказались в столь невыгодных условиях в наше время и что столь тревожны их перспективы. Но не хотелось бы проявлять излишний пессимизм. Вспомним, что до начала 1950-х гг. численность коренных австралийцев неуклонно падала. Все – ученые и неученые – предрекали им скорое исчезновение с лица земли. Но с середины 1950-х они стали постепенно возрастать в числе. А в настоящее время рост численности потомков коренных австралийцев настолько интенсифицировался, что, возможно, она уже превысила расчетные цифры для доколониального времени¹². Будем надеяться, что австралийские аборигены найдут пути и средства отстоять не только само свое существование в неблагоприятном для них окружении, но и свое культурное наследие и свои уникальные традиции социальной жизни,

которые могут поддерживаться только при сохранности их родственных коллективов (фото 10).

Примечания

¹ Здесь я следую за Н. Берд-Дэвид, которая писала: «Lots of skills, habits, utensils, and rites have gone for ever, but the ethos of hunters and gatherers have stayed» (Bird-David 1992).

² Выражение М. Салинса (1999: 19 и др.).

³ Термин «demand sharing» (Peterson 1993) плохо переводится на русский язык, буквальный перевод – «дележ по требованию» – представляется неприемлемым, поэтому здесь и далее я привожу этот термин по-английски. Этим словосочетанием обозначается особая форма взаимопомощи (см. подробнее: Артемова 2018: 77–83).

⁴ Аллюзия на известное высказывание О. Лэттимора: «Настоящий кочевник – бедный кочевник» (в оригинале это каламбур – “it is the poor nomad who is the pure nomad”, Lattimore 1940).

⁵ См. например, Peterson, Long 1986.

⁶ Все аборигены в Аурукуне крещены, и все похороны сопровождаются и церковной службой, и традиционными обрядами, претерпевшими определенные модификации. Хоронят людей в гробах в сравнительно неглубоких могилах. На могилах ставятся деревянные кресты, иногда – памятники. К крестам крепятся таблички с указанием имени и дат жизни умершего, иногда приводятся цитаты из Библии, из псалмов Давида. На могилы кладутся (или втыкаются в землю) яркие бумажные цветы.

⁷ Перефразированное высказывание Дика Фрэнсиса – Dick Francis. Slay Ride.

⁸ Этот аспект культуры аборигенов Австралии относительно подробно обсуждается в другой работе автора (Артемова 2009: 432–441).

⁹ Аборигены практиковали инфантицид и другие невозможные в современных условиях способы сдерживания демографического роста. М. Салинс в свое время писал о демографических проблемах и способах их решения при охоте и собирательстве: люди используют стратегию избавления от хлопот... если оставить сантименты: ...уменьшение отдачи ради портативности, минимальная ноша, избавление от дубликатов и тому подобное» (1999: 47).

¹⁰ Этому специально посвящена одна из моих статей (Артемова 1992).

¹¹ Слово употреблено сознательно, существует огромная литература, подтверждающая его адекватность (см.: Gammage 2011).

¹² По одним предположениям, к началу колонизации аборигены насчитывали 300 тыс. человек, по другим – до полумиллиона, по третьим – до миллиона. По переписи 2011, потомки коренных австралийцев и островитян Торресова пролива насчитывали 669 900 человек, что составляло около 3% населения Австралии в целом (Australian Bureau of Statistics 2016). К началу 1970-х гг. аборигены составляли 1% населения страны (200 тыс. человек), а в 1901 г. их было всего 66 950 человек (Jones 1970: 4).

Литература

Артемова О.Ю. Дети в обществе аборигенов Австралии // Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М.: Наука, 1992. С. 17–56.

Артемова О.Ю. Колено Исава. Охотники, собиратели, рыболовы. Опыт изучения альтернативных социальных систем. М.: Смысл, 2009.

Артемова О.Ю. Настоящий охотник – бедный охотник? («Моральная экономика» и некоторые проблемы социальной эволюции) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2018. № 1. С. 77–102.

- Берндт Р.М., Берндт К.Х.* Мир первых австралийцев. М.: Наука, 1981.
- Макконнел У.* Мифы мункан. М.: Наука, 1981.
- Салинс М.* Экономика каменного века. М.: О.Г.И., 1999.
- Australian Bureau of Statistics // Australian Government URL: www.abs.gov.au (accessed date: 30.08.2017).
- Bird-David N.* Beyond 'The hunting and gathering mode of subsistence': culture-sensitive observations on the Nayaka and other modern hunter-gatherers // *Man*. 1992. Vol. 27 (1). P. 19–44.
- Gammage B.* The Biggest Estate on Earth: How Aborigines Made Australia. Sydney et al.: Allen and Unwin, 2011.
- Ford C.* The Aurukun blues of Peter Sutton. An anthropologist hits the skids in Cape York // *The Monthly Essays*. 2013, may. URL: www.themonthly.com.au/issue/2013 (access date: 09.09.2017).
- Jones F.L.* The Structure and Growth of Australia's Aboriginal Population. Canberra: Australian National University Press, 1970.
- Lattimore O.* Inner Asian Frontiers of China. London: Oxford University Press, 1940.
- Martin D.F.* Does native title merely provide an entitlement to be native? Indigenes, identities, and applied anthropological practice // *Australian Journal of Anthropology*. 2015. № 26 (1). P. 112–127.
- Martin D.F., Martin B.F.* Challenging simplistic notions of outstations as manifestations of Aboriginal self-determination: Wik strategic engagement and disengagement over the past four decades // Peterson N., Myers F. (eds.). *Experiments in Self-Determination: Histories of the Outstation Movement in Australia*. Canberra: ANU Press, 2016. P. 210–228.
- McConnel U.H.* Myths of the Munkan. Melbourne: University Press, 1957.
- McKnight D.* Of Marriage, Violence and Sorcery. The Quest for Power in Northern Queensland. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2005.
- Peterson N.* Demand sharing: reciprocity and pressure for generosity among foragers // *American Anthropologist*. 1993. Vol. 95. P. 860–874.
- Peterson N.* From mode of production to moral economy: sharing and kinship in Fourth world social orders // Paper presented at Ninth International Conference on Hunting and Gathering Societies: hunter-gatherer studies and the reshaping of anthropology. Edinburgh: The Edinburgh Conference Center, 2002.
- Peterson N.* On the persistence of sharing: Personhood, asymmetrical reciprocity, and demand sharing in the Indigenous Australian domestic moral economy // *Australian Journal of Anthropology*. 2013. Vol. 24 (2). P. 166–176.
- Peterson N., Long J.P.M.* Australian territorial organization: a band perspective // *Oceania Monograph*. № 30. Sydney, 1986.
- Peterson N., Taylor J.* The modernizing of the indigenous Australian moral economy: sharing, accumulation and household composition // Paper presented at the Conference on Property and Equality, Halle, Germany, 25–27 June 2001.
- Sutton P.* The Politics of Suffering: Indigenous Australia and the End of the Liberal Consensus. Carlton: Melbourne University Press, 2009.
- Svizzero S., Tisdell C.* The persistence of hunting and gathering economies // *Social Evolution and History*. 2015. Vol. 14 (2). P. 3–25.
- Wells A.E.* Milingimbi: Ten Years in the Crocodile Islands of Arnhem Land. Sydney: Angus and Robertson, 1963.
- Woodburn J.C.* Some connections between property, power and ideology // Ingold T., Riches D. and Woodburn J. (eds.) *Hunters and gatherers. II. Property, power and ideology*. Oxford: Berg, 1988. P. 10–31.

Artemova Olga Yu.

MAN THE HUNTER AND THE LEGACY OF ENLIGHTENMENT*

DOI: 10.17223/2312461X/19/11

Abstract. Based mostly on the author's own field research conducted chiefly among the Wik-Munkan-speaking people in Cape York Peninsular (Aboriginal Australia) from 2005 to 2015, the article analyses how former hunters and gatherers that during the European colonial rule lost many of their old skills, customs, and rites still in large part retain the traditional norms of mutual help and socio-psychological attitudes that hinder property differentiation among them ('immediate-return systems', 'moral economy' – Woodburn 1988; Peterson 1993, 2002; Peterson and Taylor 2001, et al.). The author argues that the tradition of mandatory mutual help is the key to the continuation of Aboriginal communal life and the basis for the very existence of and personal integrity among members of Aboriginal communities. The article gives a number of noticeable examples of how these people handle money and items of contemporary urban culture today. In the last sections of it, some negative and dangerous trends in the cultural dynamics of the Wik-Munkan people over the last decades are discussed, and the possibility of rapprochement and constructive transformation of deeply differing cultural traditions and values that have come into contact on Wik soil is questioned.

Keywords: hunters and gatherers, Aborigines of Australia, Wik-Munkan, moral economy, personality, community, individual, family, group, cultural traditions, ethos, postindustrial urban culture

* The article is written with the support from Russian Foundation for the Humanities (RGNF) under the project No. 15-01-0045 entitled 'Personality in the Ethno-Social Context: a Cross-Cultural Study', Principal Investigator N.L. Zhukovskaya (Doctor of Science (History)).

References

- Artemova O.Iu. *Deti v obshchestve aborigenov Avstralii* [Children in an Aboriginal Australian society], *Etnografiia detstva. Traditsionnye metody vospitaniia detei u narodov Avstralii, Okeanii i Indonezii* [The ethnography of childhood. Traditional methods of raising children in the peoples of Australia, Oceania, and Indonesia]. Moscow: Nauka, 1992, pp. 17–56.
- Artemova O.Iu. *Koleno Isava. Okhotniki, sobirатели, rybolovy. Opyt izucheniia al'ternativnykh sotsial'nykh sistem* [The Tribe of Esau. Hunters, gatherers, and fishermen. A study of alternative social systems]. Moscow: Smysl, 2009.
- Artemova O.Iu. *Nastoiashchii okhotnik – bednyi okhotnik? («Moral'naiia ekonomika» i nekotorye problemy sotsial'noi evoliutsii)* [A true hunter is a poor hunter? ('Moral economy' and some problems of social evolution)], *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya*, 2018, no. 1, pp. 77–102.
- Berndt R.M., Berndt C.H. *Mir pervykh avstraliitsev* [The world of the first Australians]. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka», 1981.
- McConnel U. *Mify munkan* [Myths of the munkan]. Moscow: Glavnaia redatsiia vostochnoi literatury, «Nauka», 1981.
- Sahlins M. *Ekonomika kamennogo veka* [Stone Age Economics]. Moscow: O.G.I., 1999.
- Australian Bureau of Statistics. Australian Government. Available at: www.abs.gov.au (Accessed 30 August 2017).
- Bird-David N. Beyond 'The hunting and gathering mode of subsistence': culture-sensitive observations on the Nayaka and other modern hunter-gatherers, *Man*, 1992, Vol. 27(1), pp. 19–44.
- Gammage B. *The Biggest Estate on Earth: How Aborigines Made Australia*. Sydney et al.: Allen and Unwin, 2011.

- Ford C. The Aurukun blues of Peter Sutton. An anthropologist hits the skids in Cape York, *The Monthly Essays*, May 2013. Available at: www.themonthly.com.au/issue/2013 (Accessed 9 September 2017).
- Jones F.L. *The Structure and Growth of Australia's Aboriginal Population*. Canberra: Australian National University Press, 1970.
- Lattimore O. *Inner Asian Frontiers of China*. London: Oxford University Press, 1940.
- Martin D.F. Does native title merely provide an entitlement to be native? Indigenes, identities, and applied anthropological practice, *Australian Journal of Anthropology*, 2015, no. 26 (1), pp. 112–127.
- Martin D.F. and Martin B.F. Challenging simplistic notions of outstations as manifestations of Aboriginal self-determination: Wik strategic engagement and disengagement over the past four decades. In: Peterson N, Myers F. (eds.), *Experiments in Self-Determination: Histories of the Outstation Movement in Australia*. Canberra: ANU Press, 2016, pp. 210–228.
- McConnel U.H. *Myths of the Munkan*. Melbourne: University Press, 1957.
- McKnight D. *Of Marriage, Violence and Sorcery. The Quest for Power in Northern Queensland*. Aldershot, England: Ashgate Publishing Limited, 2005.
- Peterson N. Demand sharing: reciprocity and pressure for generosity among foragers, *American Anthropologist*, 1993, Vol. 95, pp. 860–874.
- Peterson N. From mode of production to moral economy: sharing and kinship in Fourth world social orders. In: *Paper presented at Ninth International Conference on Hunting and Gathering Societies: hunter-gatherer studies and the reshaping of anthropology*. Edinburgh, the Edinburgh Conference Center, 2002.
- Peterson N. On the persistence of sharing: Personhood, asymmetrical reciprocity, and demand sharing in the Indigenous Australian domestic moral economy, *Australian Journal of Anthropology*, 2013, vol. 24 (2), pp. 166–176.
- Peterson N., Long J.P.M. Australian territorial organization: a band perspective, *Oceania Monograph*. № 30. Sydney, 1986.
- Peterson N., Taylor J. The modernizing of the indigenous Australian moral economy: sharing, accumulation and household composition. In: *Paper presented at the Conference on Property and Equality*, Halle, Germany, 25–27 June 2001.
- Sutton P. *The Politics of Suffering: Indigenous Australia and the End of the Liberal Consensus*. Melbourne University Press, Carlton, 2009.
- Svizzero S. and Tisdell C. The persistence of hunting and gathering economies, *Social Evolution and History*, 2015, vol. 14 (2), pp. 3–25.
- Wells A.E. *Milingimbi: Ten Years in the Crocodile Islands of Arnhem Land*. Sydney: Angus and Robertson, 1963.
- Woodburn J.C. Some connections between property, power and ideology. In: Ingold T. Riches D. and Woodburn J. (eds.) *Hunters and gatherers. II. Property, power and ideology*. Oxford: Berg, 1988, pp. 10–31.